

УДК 821.161.1.09-22+929Гоголь

АДЕЛАИДА ИВАНОВНА КРУГЕЛЬ

К. М. Захаров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

E-mail: zahodite@list.ru

Статья посвящена немецким мотивам в «Игроках» Н. В. Гоголя и их связи со способами изображения мошеннической среды. Особое внимание уделяется одному из персонажей – шулеру Кругелю и карточной колоде по имени Аделаида Ивановна. Делаются выводы относительно «второго плана» размышлений автора о человеческой природе, скрытых в комических диалогах «Игроков».

Ключевые слова: игра, игроки, карты, шулер, афера, немец, Н. В. Гоголь.

Adelaida Ivanovna Krugel

K. M. Zakharov

The article is devoted to German motives in *The Gamblers* by N. V. Gogol and their connection with the ways of portraying a fraudulent environment. The author specifically focuses on one of the characters – the sharpie Krugel and the card pack called Adelaida Ivanovna. Moreover, these observations allow to draw conclusions on the 'background thoughts' of the author about human nature, hidden in comic dialogues of *The Gamblers*.

Key words: game, players, cards, sharpie, scam, German, Nikolai Gogol.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-1-60-62

В гоголевских «Игроках» в самой длинной сцене – VIII явлении – трио мошенников во главе с Утешительным пытается установить доверительные отношения с талантливым карточным шулером Ихаревым, который, вместо того чтобы стать их жертвой, чуть не обобрал их самих. Бойкие Утешительный и Швохнев пытаются как можно больше «открыться» Ихареву, распахнув перед ним двери в свою мошенническую творческую лабораторию (или воспроизводя общеизвестные сюжеты из книги «Открытие карточной игры»). Откровенность жуликов трогает Ихарева, и он делится с ними своим самым большим секретом – показывает свой шедевр, «заповедную» колоду, предназначенную для крупного выигрыша:

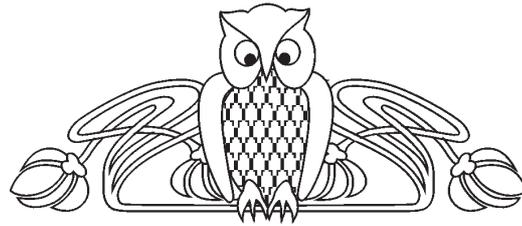
Ихарев: Но, господа, так как пошло на откровенность, я вам покажу удивительную вещь: знаете ли вы то, что называют сводная или подбранная колода, в которой всякая карта может быть угадана мною на значительном расстоянии?

Утешительный: Знаю, но, может быть, другого рода.

Ихарев: Могу вам похвастаться, что подобной нигде не сыщете. Почти полгода трудов. (*Вынимает из шкатулки.*) Вот она! Зато уж не прогневайтесь: она у меня носит имя, как человек.

Утешительный: Как, имя?

Ихарев: Да, имя: Аделаида Ивановна.

Утешительный (*усмехаясь*): Слышь, Швохнев, ведь это совершенно новая идея – назвать колоду карт Аделаидой Ивановной. Я нахожу даже, это очень остроумно.

Швохнев: Прекрасно! Аделаида Ивановна! очень хорошо...

Утешительный: Аделаида Ивановна. Немка даже! Слышь, Кругель? это тебе жена.

Кругель: Что я за немец? Дед был немец, да и тот не знал по-немецки»¹.

Создавая вокруг будущей жертвы непринужденную атмосферу, предводитель аферистов Утешительный мимоходом выдумывает «шутовскую свадьбу» – женит своего подручного-шулера на колоде карт. Естественно, всем, кроме обидевшегося было Кругеля, понятна суть шутки Степана Ивановича – род занятий Кругеля не предусматривает оседлости, полноценной семейной жизни. Кругель со своей «компанией», полный состав которой так и остается для Ихарева и читателя загадкой, разъезжает по провинции в поисках жертв и выигрышей. Но Степан Иванович свою шутку аргументирует тем, что Аделаида и Кругель – соотечественники. Причем немцы – комичные, сродни тому простаку Немцу, который становился жертвой Петрушки в народных представлениях. Тем самым немецкие мотивы в «Игроках» оказываются в особой, парадоксальной позиции.

О мошенниках, встретившихся Ихареву в городском трактире, мы знаем мало, причем большая часть доставшейся Ихареву (а следовательно, и читателю) информации – фиктивна. Но о Швохневе и Утешительном периодически сообщаются какие-то, пусть и противоречащие друг другу, сведения, а о Кругеле настойчиво повторяется, что он – немец, как будто больше о нем ничего знать не следует.

Как известно, эта гоголевская пьеса перегружена именами. Все основные сценические персонажи имеют имена и фамилии, а некоторые даже по два комплекта: так, Михаил Александрович Глов представляется Иваном Климычем Крыницыным, а Псой Стахич Замухрышкин – Флором Семеновичем Мурзафейкиным. В речах героев упоминается Аркадий Андреевич Дергунов, Андрей Иванович Пяткин, Иван Михайлович Кубышев с сыном Мишей. Сюда же отнесем ничем не оправданную фразу Кругеля: «Нет, никогда в жизни не позабуду я сыра, который ел я у Петра Александровича Александрова»². А уж в IV явлении Гаврюшка увлекается и перечисляет ихаревскую дворню: «Игнатий, буфетчик, Павлушка,

который раньше с барином ездил, Герасим-лакей, Иван – тоже опять лакей, Иван псарь, Иван опять музыкант, потом повар Григорий, повар Семен, Варух садовник, Дементий кучер»³. И кульминация этого обилия имен – колода по имени Аделаида Ивановна, которой к тому же «можно мраморный памятник поставить»⁴.

На этом фоне контрастно выглядят двое, у которых есть только фамилия. Это главный герой пьесы Ихарев и Кругель.

В первом явлении прибывший в трактир Ихарев узнает о постояльцах. Трактирный слуга сообщает: «Швохнев Петр Петрович, Кругель полковник, Степан Иванович Утешительный»⁵. Очевидно, слуга решил, что звание Кругеля свидетельствует о нем лучше, чем имя и отчество. Можно предположить, что Кругель – действующий военнослужащий, почему-то не находящийся в расположении своей части, или отставник. Хотя, может он быть и самозванцем, ведь «легенды» у участников компании Утешительного – это крайне эфемерное явление. Перед первой – неудачной – партией с Ихаревым Утешительный выдает своих компаньонов за случайных знакомцев: «Утешительный (Кругелю): Помнишь, почтеннейший, как я приехал сюды: один-одинешенек <...> Вдруг судьба послала вот его, потом случай свел с ним <...> Ну, уж как я был рад!»⁶

Когда в позиции «жертвы» оказывается рвущийся в гусары Саша Глов, изменяется и степень знакомства Утешительного и Швохнева – они становятся однополчанами: «Знаешь ли, Швохнев, что мне пришло на ум? Покачаем его на руках так, как у нас качали в полку»⁷.

В сцене «откровенных» разговоров с Ихаревым, когда правда перемежается с импровизационными выдумками, выясняется, что они дружат семьями: «Швохнев: Говорит мне его зять (указывает на Утешительного), Андрей Иванович Пяткин...»⁸

Но про Кругеля такой биографической информации нет. Е. Г. Падерина, автор подробнейшего исследования творческой истории «Игроков», отмечает, что «Кругель – наиболее условный персонаж, лишенный индивидуальных черт (почти лубочный) обрусевший немец»⁹. С этим персонажем постоянно связаны какие-то недоговорки и сомнения.

И перед Ихаревым, и перед Сашей Гловым Утешительный разворачивает представления, способствующие грядущему ограблению («Утешительный <...> был автором и режиссером спектакля, разыгранного в пьесе игроками»¹⁰, – писал Е. Е. Слащев). Поэтому каждый участник событий является носителем какого-либо амплуа или маски. Полковничий чин, приписанный Кругелю, вполне мог быть кратковременной маской, предназначенной только для встречи с Ихаревым. Реплика не сообщает, как он выглядит, приходя в комнату Ихарева, – одет ли он в мундир или в штатское. Скорее всего, он в штатском: когда объ-

единенная компания обыгрывает Сашу Глова, ему дают совет отправиться в полк и Утешительный обращается к Швохневу, но нет ни одной отсылки к Кругелю. Утешительный не придумывает, что полковник может дать кому-то рекомендацию или поспособствовать удачному распределению. Кругель в этой афере перестает быть «полковником», хотя по-прежнему аттестуется как «немец»: «Вон уж Кругель потащил себе. Немцу всегда везет!»¹¹

Для того чтобы разобраться в странном амплуа Кругеля, необходимо вспомнить о том, что талантливый стратег Утешительный, по его собственному признанию, поклонник теории распределения труда. И та троица шулеров, которая обычно на виду у жертв, собрана по принципу взаимодополняющих позиций.

Сам Утешительный – это мозг всей шайки, располагающий жертв к себе, много говорящий, усыпляющий внимание, сообщающий множество ненужных подробностей. Он же, если судить по сцене с Сашей Гловым, выполняет обязанности банкмета. Швохнев выступает тенью и постоянным собеседником Утешительного. Обладая необходимой для ремесла разветвленного обмана гибкостью, он постоянно поддерживает игру Утешительного. Даже когда не будучи посвященным в планы своего предводителя, он стремится интуитивно угадать направление, в котором ему нужно подкакивать или оппонировать. Возможно, он понимает в словах предводителя больше, нежели Ихарев и зритель, ведь, как указывал Ю. М. Лотман, «карточная игра образовывала свой особый замкнутый круг участников, свои манеры поведения и <...> собственный язык»¹².

Кроме того, Швохнев практически всегда занимается наблюдением за потенциальными жертвами. При первой встрече Утешительный изображает идеалиста, Кругель упрекает его в доверчивости. Появившийся вместе с ними Швохнев первое время не принимает участия в споре – он наблюдает за тем, как Ихарев принимает их игру. И лишь сделав какие-то выводы, вступает в начавший пробуксовывать диалог партнеров. «То, что Швохнев не подыгрывает Кругелю в игровом разговоре с Ихаревым, характерно для распределения сил в компании Утешительного: на Швохнева Утешительный полагается в своей игре, Кругелем манипулирует»¹³. И далее, поняв, что они не контролируют игру в партии с Ихаревым, Швохнев пасует и сообщает о своих подозрениях Утешительному (тот, однако, насторожился уже талией раньше).

Даже во время поспешного отступления Швохнев покидает Ихарева последним, контролируя ситуацию. Е. Г. Падерина напоминает, что «эта незначительная, казалось бы, деталь была уточнена Гоголем особо на самом последнем этапе подготовки белой рукописи: первоначально (в нижнем слое) Швохнев уходил, а Кругель оставался, но Гоголь последовательно переправил фамилии во всем эпизоде. Это авторское уточнение

подчеркивает, конечно, и важность, по авторскому замыслу, для Утешительного того, кто из тройки шулеров последним покинет место боя и с каким успехом, но одновременно – в большой степени марионеточную роль Кругеля в своей среде»¹⁴.

Так какую же функцию занимает в этом блестящем тандеме молчащий, излишне осторожничающий Кругель? Правильно – комического немца. Во-первых, набивающие оскомину «немецкие» шуточки, скорее всего, являются постоянной уловкой компании. В XIII действии подготавливающий свою хитроумную интригу Утешительный в который раз нашел предлог, чтобы покинуть комнату. Его сообщники весьма приблизительно представляют возникающий у них на глазах замысел предводителя, боятся сказанным невпадом словом вызвать подозрение у жертвы. Поэтому Швохнев прибегает к частому приему: не знаешь о чем говорить – шути про Кругеля:

«Ихарев: Я бы больше не хотел иметь у себя денег, как столько, сколько лежит в Опекуновском совете.

Швохнев: Я помирюсь и на половине.

Кругель: Я доволен буду и четвертью.

Швохнев: Ну, не ври, немец: захочешь больше.

Кругель: Как честный человек...

Швохнев: Надуешь»¹⁵.

Отметим, что обвинения Кругеля в нечестности – тоже постоянная черта диалогов Утешительного и Швохнева. При первом появлении Утешительный изображает идеалиста-филантропа, доброжелательного и дружелюбного, а оппонировавший ему Кругель – скептика, не доверяющего людям. По идее, Утешительный должен был расположить к себе Ихарева, а Кругель, напротив, слегка насторожить. Правда, подготовленный Ихарев разгадал именно притворство Утешительного, после чего в обилии посыпались шуточки про немцев. Далее, как мы указывали, Швохнев называет «немца» лгуном, а в сцене игры с Сашей Гловым Утешительный бросает: «Немцу всегда везет». В то время как Кругель является наиболее беспомощным из всех участников «компании». «Многочисленные насмешки Утешительного и Швохнева над Кругелем связаны с его расчетливостью и ненадежностью»¹⁶. К тому же полковник неоднократно сообщает о своих опасениях («Кругель: Я всего боюсь. Это так возможно...»¹⁷).

Кстати, единственный раз появившаяся у Ихарева тень подозрения следует за репликой именно Кругеля:

«Кругель: Эх, если бы он уломал его как-нибудь!

Ихарев: Да что, разве ваши дела...»¹⁸

Постоянные напоминания о происхождении Кругеля должны актуализировать у жертвы категорию «свой – чужой». Обманутому постоянно напоминают, что Кругель – чужой, да к тому же еще и плут, которому всегда неоправданно везет. В результате жертва должна внимательно следить за безобидным Кругелем. В партии с Гловым, которую Саша должен проиграть, первую талию выигрывают Саша и Кругель, который в глазах жертвы должен выглядеть недостойным соперником. Далее жертва должна проникаться доверием к «своим» – Утешительному и Швохневу, которые и осуществляют обман.

Кругель отвлекает внимание проигравшегося, оттягивая на себя недоверие и опасение, тем самым подготавливая успех мошеннического предприятия. Хотя его подлинные плутовские способности едва ли являются для товарищей секретом. И шутка про женитьбу на карточной колоде, возможно, имеет для участников «компании» собственный, скрытый от Ихарева смысл. Свадьба этих «немцев» – этакий мезальянс, где даже карточная колода, но уникальная и бесценная, оказывается значимее своего суженного – простоватого шулера, остающегося на вторых ролях и не запоминающегося ничем, кроме своей, может быть, даже вымышленной национальности.

Примечания

- ¹ Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 14 т. М., 1937–1952. Т. 5. С. 76.
- ² Там же. С. 71.
- ³ Там же. С. 67.
- ⁴ Там же. С. 66.
- ⁵ Там же. С. 65.
- ⁶ Там же. С. 70.
- ⁷ Там же. С. 91.
- ⁸ Там же. С. 73.
- ⁹ Падерина Е. К творческой истории «Игроков» Гоголя : история текста и поэтика. М., 2009. С. 250.
- ¹⁰ Слащев Е. О пьесе Н. В. Гоголя «Игроки» // Учен. зап. Киргиз. ун-та, 1954. Вып. 1. С. 33.
- ¹¹ Гоголь Н. Указ. соч. С. 88.
- ¹² Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 146.
- ¹³ Падерина Е. Указ. соч. С. 224.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Гоголь Н. Указ. соч. С. 85.
- ¹⁶ Падерина Е. Указ. соч. С. 224.
- ¹⁷ Гоголь Н. Указ. соч. С. 90.
- ¹⁸ Там же. С. 96.